

A surgeon in blue scrubs and a surgical mask is focused on a patient in an operating room. The scene is lit by large overhead surgical lamps, creating a clinical and professional atmosphere. The surgeon's hands are visible, wearing gloves, as they work on the patient. In the background, various medical equipment and monitors are visible, slightly out of focus.

Ярослав Северцев

Первокурсник из будущего

Ярослав Северцев
Первокурсник из будущего

«Автор»

2026

Северцев Я.

Первокурсник из будущего / Я. Северцев — «Автор», 2026

Марк Саламонович Вознесенский — легенда мировой нейрохирургии из конца XXI века. Но нелепая смерть от рук сумасшедшего обрывает его триумфальный путь. Вместо вечного покоя Марк приходит в себя в Москве 2026 года. Теперь он — Евгений Климов, первокурсник престижного Медицинского Университета. Вот только прежний Женя был ленивым, избалованным мажором, поступившим на лечфак исключительно благодаря огромным взяткам и связям своего отца-чиновника. Но в этом молодом теле теперь живёт разум великого хирурга. Его знания опережают эпоху, его пальцы помнят каждое движение скальпеля, а характер закалён сотнями часов в операционных. Гению из будущего придётся начать свой путь с самого низа — со скамьи анатомического театра. Ему предстоит доказать высокомерным профессорам, завистливым врагам и собственным шокированным родителям, что отныне имя Климова будет звучать по всему миру. И на этот раз — абсолютно не по блату.

© Северцев Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ярослав Северцев

Первокурсник из будущего

Глава 1

Глава 1. Последний разрез

Шовный материал «Пролен» три нуля ложился на рану с идеальным, едва слышным шуршанием. Марк Саламонович Вознесенский работал без микроскопа на финальном этапе, полагаясь исключительно на бинокулярную лупу и ту абсолютную, почти пугающую мышечную память, которая делает обычного хирурга великим. Двенадцатый час на ногах. Операционная зона номер четыре Института экспериментальной нейрохирургии имени Бурденко тонула в ровном, слегка синеватом свете бестеневых ламп нового поколения. На дворе стоял конец двадцать первого века — эпоха, когда медицина научилась выращивать искусственные почки, но человеческий мозг по-прежнему оставался хрупким, капризным и совершенно непредсказуемым куском серого вещества.

— Клипса на месте, Марк Саламонович. Пульсация аневризмы прекратилась, — глухо из-под маски произнесла ассистентка, молодая тридцатилетняя женщина, у которой от напряжения мелко дрожали крылья носа. Для неё эта операция была сродни полету в дальний космос. Для Вознесенского — просто сложным вторжением на чужую территорию.

— Вижу, Ковалева. Не дергайся, — голос Марка Саламоновича, несмотря на глубокие семьдесят лет и двенадцать часов стояния у стола, звучал как сухой удар кастаньет. — Подайте биполяр. Коагуляция твердой мозговой оболочки. Нам не нужны ликворные свищи послезавтра.

Он работал методично. Пациент — тридцатипятилетний архитектор с гигантской мешотчатой аневризмой базилярной артерии — фактически уже был на том свете, когда его доставили в клинику. Семьдесят процентов хирургов отказались бы сразу. Еще двадцать девять — вскрыли бы черепную коробку и закрыли обратно, констатировав неоперабельность. Вознесенский взял скальпель. Он перестроил схему доступа на ходу, пройдя через субвисочный путь так чисто, словно резал не живого человека, а спелый арбуз.

— Гемостаз идеальный, — Марк Саламонович выпрямил спину. Позвоночник отозвался сухим, глухим хрустом в районе поясницы. Старость — дрянная штука, даже если ты возглавляешь ведущий нейрохирургический центр страны и твои руки застрахованы на восьмизначную сумму. — Ковалева, зашивай апоневроз и кожу. Сама справишься. Я на боковую. Если будет подтекание по дренажу больше пятидесяти миллилитров за час — будить меня сразу.

Он содрал с себя латексные перчатки — они с тихим шлепком улетели в контейнер для утилизации биоотходов. Стянул маску, обнажая бледное, испещренное глубокими морщинами лицо с жестким, тяжелым подбородком и умными, совершенно не уставшими глазами.

Марк Саламонович Вознесенский был гением. И он прекрасно об этом знал. Без ложной скромности, без кокетства. Его монографии лежали на столах студентов от Токио до Нью-Йорка, его авторская методика пластики синусов твердой мозговой оболочки спасла тысячи жизней. Он жил этой работой. У него не было семьи, не было хобби, не было дачи. Была только операционная и бесконечный, пульсирующий в ритме систолы и диастолы поток чужих жизней.

Выйдя из шлюза операционного блока, он прошел мимо пустых постов вечерней смены. Время близилось к трем часам ночи. Коридоры института тонули в полумраке, автоматическая система вентиляции едва слышно гнала очищенный, пахнущий озоном и легкой химией воз-

дух. Вознесенский шел к служебной лестнице, сознательно игнорируя лифт — после многочасовых операций нужно было хоть немного разогнать кровь в затекших ногах.

На площадке третьего этажа было темно. Энергосберегающие панели горели в четверть силы.

— Вознесенский! — хриплый, надрывный крик заставил хирурга остановиться.

Из тени возле окна шагнул человек. Фигура в грязном, расстегнутом пальто, из-под которого виднелась мятая домашняя футболка. Лицо мужчины было серым, глаза — дикими, с расширенными зрачками, в которых горело опасное, безумное пламя. Вознесенский мгновенно узнал его. Это был Полуянов. Муж пациентки, которую привезли неделю назад с неоперабельной глиобластомой четвертой стадии. Опухоль проросла в ствол мозга. Марк Саламонович тогда лично вышел к нему и прямо, без сопливой жалости сказал: «Операция бессмысленна. Осталось две недели. Обеспечьте уход».

— Полуянов? Вы что здесь делаете в такое время? Выход на лестницу ограничен, — Вознесенский нахмурился, делая шаг вперед, собираясь перекрыть безумцу проход к операционным.

— Вы её убили! — мужчина сорвался на визг, слюна брызнула из его рта. — Вы все... твари в белых халатах! Зажравшиеся палачи! Вы ставите эксперименты! Вы отказались её резать, потому что вам не заплатили! Вы её приговорили!

— Послушайте меня внимательно, — голос Марка Саламоновича оставался ледяным. Он не боялся. За сорок лет практики он видел сотни психопатов в состоянии аффекта. — У вашей жены тотальное поражение стволовых структур. Любой нож в этой зоне — мгновенная смерть на столе. Идите домой. Нам обоим нужно отдохнуть.

— Нет... нет, доктор. Отдыхать ты будешь в другом месте, — Полуянов резко выдернул руку из кармана пальто.

В тусклом свете блеснуло лезвие — тяжелое, граненое шило с самодельной деревянной ручкой. Марк Саламонович успел оценить траекторию удара чисто профессионально. Он попытался перехватить руку сумасшедшего, но семидесятилетнее тело, измочаленное двенадцатью часами сложнейшей работы, среагировало с опозданием на доли секунды.

Шило вошло легко, с мерзким хрустом преодолев сопротивление хряща. Чуть ниже левого угла нижней челюсти. Вверх и вглубь.

Вознесенский не почувствовал боли. Сначала был просто сильный, тупой удар, словно его стукнули бревном. Потом пришло тепло. Горячая, густая волна хлынула за воротник хирургического костюма.

«Левая внутренняя сонная артерия, — отстраненно, с пугающей четкостью зафиксировал мозг великого нейрохирурга. — Повреждение сквозное. Смерть наступит от острой гипоксии коры головного мозга в течение полутора-двух минут. Шансов на самопомощь ноль».

Полуянов что-то кричал, выдергивая оружие, собираясь ударить еще раз, но Марк Саламонович уже не слышал его. Ноги подогнулись, спина скользнула по холодному кафелю стены. В глазах стремительно темнело, сужая обзор до крошечной, тающей точки. Мысли, обычно четкие и быстрые, начали вязнуть, как мухи в сиропе.

«Глупая... абсолютно глупая, нетехнологичная смерть», — подумал Вознесенский, закрывая глаза. Последнее, что он зафиксировал — это нарастающий, оглушительный писк в собственных ушах. Мозг отключал периферию. Свет погас.

— Жека! Жека, вставай! Ты сдох там, что ли? Нас же Козлов живьем сожрет и не поморщится!

Звук пробился сквозь плотную, ватную тишину не сразу. Сначала пришла боль. Но не в шее, где должно было зиять смертельное отверстие от шила, а везде. Голова раскалывалась так, словно по ней методично били чугунным молотком. Во рту было сухо, присутствовал отчетли-

вый, отвратительный привкус дешевого алкоголя, застарелого табачного дыма и чего-то химически-сладкого.

Марк Саламонович открыл глаза и тут же зажмурился от резкого, бьющего по сетчатке солнечного света.

— Ну слава богу, живой, — раздался сверху гнусавый, ломающийся юношеский голос. — Давай, разлепляй фары. Время без двадцати восемь. Если мы опоздаем на первую лекцию по анатомии, Козлов нам этот зачетный семестр устроит в режиме анальной деструкции. Он мажоров вроде тебя на завтрак ест.

Вознесенский сел. Тело отозвалось вялостью, мышцы были какими-то мягкими, нетренированными, совершенно чужими. Он посмотрел на свои руки.

Это были не его руки.

Где узловатые, сухие пальцы с легким возрастным тремором, который исчезал только у операционного стола? Где шрам на левом запястье от ожога в детстве? Перед ним были гладкие, пухлые ладони девятнадцатилетнего парня, с короткими, неаккуратно подстриженными ногтями. На правой руке желтело пятно от вейпа.

— Что за... — попытался сказать Марк Саламонович, но из горла вырвался лишь сиплый, прокуренный баритон.

Он огляделся. Комната была небольшой, заваленной хламом. На полу валялись пустые банки из-под энергетиков, коробки от пиццы, какие-то яркие шмотки с непонятными логотипами. На столе стоял мощный игровой компьютер с тремя мониторами. Рядом с клавиатурой валялся открытый учебник... Марк Саламонович прищурился. «Анатомия человека. Привес». Издание старое, бумажное.

Перед ним стоял парень лет восемнадцати в мятой толстовке, с дурацкой стрижкой и прыщавым лбом. В руках он держал телефон. На экране телефона светилась дата: **6 сентября 2026 года**.

«Двадцать шестой? — мозг Вознесенского, привыкший обрабатывать критическую информацию за секунды, выдал короткое замыкание. — Какого черта? Я умер в операционном блоке в конце века. Сейчас двадцать шестой год. До моего рождения еще... стоп».

И в этот момент его накрыло.

Это не было похожем на чтение книги. Это был взрыв. Чужая память хлынула в его сознание мутным, грязным селевым потоком, вымывая остатки дезориентации.

Евгений Владимирович Климов. Восемнадцать лет. Единственный сын Владимира Климова, крупного чиновника из Министерства здравоохранения, курирующего закупки медицинского оборудования по Московскому региону. Мать — владелица сети частных косметологических клиник. Сам Женя — классическое ничтожество. Ленивый, глуповатый, избалованный парень, который до одиннадцатого класса не знал, чем отличается артерия от вены, и проводить время предпочитал в клубах Патриарших прудов, спуская родительские деньги на элитный алкоголь.

В медицинский вуз — Первый МГМУ имени Сеченова, на престижнейший лечебный факультет — Женя попал исключительно потому, что отец «занес» кому надо три с половиной миллиона рублей и пообещал закрыть глаза на определенные нарушения в тендерах. Сам Женя учиться не собирался. Он планировал кое-как досидеть до третьего курса, перевестись на коммерческое отделение по косметологии и спокойно работать в маминой клинике, вкалывая ботокс богатым дурам.

Вчера была пятница. Первая неделя учебы. Женя Климов отметил её окончание так, что проснулся только сейчас. Точнее, не проснулся. Настоящий Женя Климов умер около четырех часов утра от острой сердечной недостаточности, вызванной убойной дозой контрафактного алкоголя. Сердце просто не выдержало.

А вот Марк Саламонович Вознесенский — выжил. В его теле.

— Эй, Климов! Ты че, завис? — прыщавый парень (память услужливо подсказала имя: Денис Шахов, одноклассник, такой же блатник, но калибром поменьше) потряс его за плечо. — Вставай, говорю! Одевайся. Машина внизу, я такси вызвал. Нам до Трубецкой ехать минут двадцать, если без пробок.

Марк Саламонович медленно поднялся на ноги. Чужое тело покачивалось, вестибулярный аппарат работал со сбоями, но сознание гениального хирурга уже полностью перехватило управление синапсами и нейронными связями.

«Значит, попадание, — подумал Вознесенский, и на его новом, молодом лице появилась жесткая, совершенно не свойственная преждему Жене Климову ухмылка. — Альтернативное прошлое. Начало века. Медицина здесь, по моим меркам, находится на уровне каменного века. Они до сих пор режут аппендицит через огромные доступы и считают глиобластому приговором. Что ж... Посмотрим, как устроен этот мир».

Он прошел в ванную, проигнорировав ворчание Шахова. Из зеркала на него смотрел симпатичный, но изнеженный парень с темными кругами под глазами и припухшим от пьянки лицом. Кожа бледная, тургор снижен — парень явно не дружил со спортом.

Марк Саламонович поднял руки. Вытянул их перед собой. Пальцы были длинными — это хорошо. Анатомическое строение кисти вполне приличное, сухожилия не повреждены. Он закрыл глаза и мысленно воспроизвел движение: завязывание хирургического узла одной рукой на глубине раны. Пальцы Климова дернулись, в точности повторяя микродвижения. Руки помнили. Мозг Вознесенского диктовал приказы, и молодое тело, хоть и с трудом, но подчинялось.

— Ну держись, Женя Климов, — тихо шепнул Марк Саламонович собственному отражению. — Диплом у тебя чужой. Но теперь мы будем играть по моим правилам.

Через десять минут они уже сидели на заднем сиденье черного такси, летящего по утренней Москве в сторону Садового кольца. Шахов всю дорогу что-то трещал про вчерашних девчонок, про то, сколько стоил столик в клубе, и как круто, что предки отмажут их от любых проблем.

Вознесенский не слушал. Он лихорадочно анализировал базу данных, оставшуюся от прежнего хозяина тела. Знаний по медицине там не было вообще. Ноль. Женя не знал даже названий костей. Зато в памяти четко отпечатались структура группы. Первокурсники лечфака. Первая группа. Декан — старый приятель отца. И профессор Козлов — заведующий кафедрой анатомии, старый, желчный сухарь, который ненавидел «блатных» всей душой и ставил своей целью отчислить как можно больше мажоров на первой же сессии.

И первая пара сегодня — анатомия. Тема: «Остеология. Позвоночный столб. Череп».

Такси резко затормозило у величественного здания анатомического корпуса на Моховой. Студенты в белых халатах кучками тянулись к массивному входу.

— Приехали, — Шахов выскочил из машины, на ходу натягивая белый медицинский халат. — Бежим, Жека! Три минуты осталось!

Марк Саламонович Вознесенский, он же Евгений Климов, спокойно вышел из машины. Он поправил воротник куртки, закинул на одно плечо дорогой кожаный рюкзак прежнего Жени и неторопливым, уверенным шагом профессионала, который провел в клиниках всю свою жизнь, направился к дверям вуза.

Его путь к новой вершине начинался прямо сейчас. С первой скамьи анатомического театра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.